

НЕЗАЩИЩЕННОСТЬ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ «ДОГОНЯЮЩЕГО» РОСТА

У статті розглядається незахищеність прав власності як фактор зменшення інвестиційної активності та економічного зростання. Аналізуються суспільні витрати, що породжуються боротьбою за ренту. Досліджуються причини, що обумовлюють нелегітимність власності, показуються шляхи її подолання. Як ключовий фактор виходу на перспективну інституційну траєкторію обґрунтовується зменшення економічної нерівності.

В статье рассматривается незащищенность прав собственности как фактор снижения инвестиционной активности и экономического роста. Анализируются издержки общества, порождаемые борьбой за ренту. Исследуются причины, обуславливающие нелегитимность собственности, показываются пути ее преодоления. В качестве ключевого фактора выхода на перспективную институциональную траекторию обосновывается уменьшение экономического неравенства.

Vulnerability as the factor of investment activity and economic growth decreasing is studied in the article given. Society costs caused by rent-seeking are analyzed. The reasons that caused property illegitimacy are investigated, as well as the ways of this problem solving are revealed. The income inequality reducing is viewed as the main factor of prospective institutional trajectory turn.

права собственности, инвестиционная активность, экономический рост, экономическое неравенство

Проблема економічного росту прибуває особу актуальне значення для країн з транзитивною економікою, оказавшихся после трансформационного спада в положенні «доганяючих». Преодолення отстаивания требует мобилизации усилий в направлении не только инновационно-технологического, но и институционального развития¹. В основе характеризующих научной литературой этапов перехода от доганяющего к инновационному типу економічного росту лежит модификация технико-технологической составляющей [2, 3, 4, 5]. Критерием интенсификации производства считаются соотношение между трудом и основными фондами, инновации как ключевой фактор економічного развития (Ф. Клоцвог, Г. Голубева, А. Скиба). Определенное внимание уделяется также организационной составляющей. Изучаются преимущества малых и крупных хозяйственных форм, их способность влиять на економіческий рост (В. Полтерович, В. Попов). Исследуется роль совместных предприятий в технологическом заимствовании (О. Голиченко). Выдвигается идея вертикальной интеграции как предпосылка и необходимое условие неиндустриализации (С. Губанов, А. Кнобель) [6, 7].

---

¹Так, А. Скиба выделяет 4 группы факторов економічного развития: пространственно-географические, инновационно-технологические, социогуманитарные, институционально-эволюционные [1].

Однако, как правильно замечает С. Глазьев, многие изобретения лежат десятилетиями в ожидании появления практической потребности в их использовании, которая, в свою очередь, хотя и определяется производственными возможностями, в значительной степени формируется под влиянием стереотипов потребительского поведения [8]. Спрос на инновации, потребительские ожидания и готовность к их восприятию, формируются под воздействием институциональных условий, создающих общий инновационно-инвестиционный климат. Наряду с экономическими, институциональные условия выступают в роли «фильтров», адсорбирующих неэффективные и социально нежелательные инновации.

Особое место среди них занимает право собственности, поскольку именно его развитие отражает степень зрелости экономической системы. Сторонник институционального подхода Г. Лайбкеп отмечает: «... рыночные силы разрушают те институты прав собственности, которые плохо отвечают новым экономическим возможностям. Если существующая структура прав ограничивает или блокирует реакции на изменения в относительных ценах или технологиях, то наличие неиспользуемых потенциальных выгод приведет к тому, что индивиды будут мобилизовать усилия для создания более подходящих прав собственности» [9].

Науке известны две оппозиционные теории возникновения прав собственности: «оптимистическая» (Demsetz, 1967) и «пессимистическая» (Sugden, 1989). Первая сводится к тому, что рыночные силы постепенно отсеивают неэффективные структуры прав собственности, вторая утверждает, что эволюционирующие структуры не обязательно будут эффективны. Вместе с тем обе теории рассматривают изменение прав собственности как процесс постепенного приспособления к «спонтанному порядку», а потому не комментируют возможность злоупотребления теми полномочиями, которыми обладает государство в области распределения и защиты этих прав.

В трансформирующихся экономиках именно государство, а не «личный интерес» становится инициатором изменения отношений собственности, основной путь к которому лежит через приватизацию. Однако, не сопровождаемые реформами в политических институтах, социальной структуре и экономической политике, новые правовые формы оказываются слабыми стимуляторами инновационной активности. Ожидаемого вслед за трансформацией собственности изменения институциональных условий не происходит. Проблема экономической эффективности новых форм остается открытой. Это позволяет обозначить проблему спецификации прав собственности в условиях реформирующейся экономики как нерешенную. Целью данной статьи является анализ результатов постсоветской приватизации в области спецификации и экономической реализации прав собственности, оценка влияния степени легитимности результатов на инновационно-инвестиционную деятельность и экономического роста.

Проведенная в постсоветских странах в 90-х гг. приватизация неоднократно подвергалась критике, в том числе из-за неравенства распределения приватизируемых активов между частными собственниками. Однако считалось, что подобное неравенство, хоть и нежелательное с социальной точки зрения, не станет препятствием решению экономических задач приватизации, поскольку первоначальные «ошибки» в распределении активов будут исправлены при последующей торговле приватизированной собственностью, в результате она в конечном итоге попадет в нужные руки. Такой подход позволял рассматривать приватизацию как «распределительно нейтральный» процесс и оправдывал чрезмерную концентрацию приватизированных активов в руках немногочисленной группы лиц. Однако в подобной аргументации есть серьезный пробел, обуславливающий непредсказуемость экономического исхода реформы.

Утверждение Р. Коуза об «экономической нейтральности» прав собственности исходит из того, что трансакционные издержки равны нулю, предполагается, что первоначальное распределение прав собственности не оспаривается участниками и рассматривается как легитимное. В противном случае трансакционные издержки многократно возрастают, так как признание партнерами результатов сделки, наряду с самой сделкой, становится предметом договоренности. Существуют также сомнения относительно правдивости информации, стремления участников к выполнению всех условий, что делает сделку потенциально ненадежной. Все это означает, что первоначальное распределение активов после приватизации становится значимым для ее экономического результата.

Новая институциональная теория доказывает, что необходимым условием эффективного использования ресурсов является точная спецификация прав собственности. Внося искажения в систему стимулов, неполная специфицированность правомочий кардинально меняет поведение экономических агентов, оказывая резкое отрицательное влияние на состояние и перспективы развития экономики. Агенты вынуждены приспосабливаться к неразвитой институциональной среде. Более эффективные формы деятельности обычно более подвержены посягательствам на права собственности, это побуждает агентов довольствоваться не столь прибыльными, но зато защищенными альтернативами (потребление вместо инвестирования, использование ресурсов в натуральном хозяйстве, вывоз и размещение их в странах с более надежными институциональными режимами).

Кроме того, при незащищенных правах собственности часть ресурсов расходуется на перераспределение и присвоение, принимающее форму борьбы за ренту. Примерами «rent-seeking» могут служить простое изъятие части доходов посредством рэкета, добровольная отдача в виде взяток, лоббирование тарифов или субсидий. В результате происходит перераспределение ресурсов в пользу групп со специальными интересами без увеличения производства материальных благ. Таким образом, одни используют свои ресурсы, чтобы получать выгоду за счет других, это заставляет последних тоже использовать часть ресурсов неэффективно, создавая «индивидуальные средства защиты» от пороков институциональной среды. Распределение ресурсов все больше отклоняется от Парето – оптимального состояния.

Неадекватная защита прав собственности создает институциональную неопределенность, и экономика может оказаться в зависимости от начального состояния (path dependence) как в эффективном равновесии, так и в неэффективном. В последнем случае повышение производительности за счет технического прогресса само по себе неспособно устранить возможность неэффективного исхода. Хотя повышение эффективности в производственном секторе и увеличивает его сравнительную привлекательность, в то же время более производительная экономика создает больший доход и тем самым делает борьбу за ренту еще более привлекательной, вследствие чего сохраняется неэффективное равновесие. Это означает, что для его преодоления совершенствованию институтов в виде более эффективной защиты прав собственности нет альтернативы.

Сомнения в прочности прав собственности создает нехватка легитимности последних, которая может быть обусловлена как сложившимися стереотипами восприятия, так и представлениями людей о «честном/нечестном» поведении. Легитимность также является производной от соблюдения частных интересов, поскольку реформы в сфере прав собственности делят общество на «выигравших» и «проигравших» [10].

Стереотипы способны сформировать устойчивое общественное мнение, их изменение – длительный процесс, однако идеологические и ценностные ориентации населения в данном случае не являются определяющими. Если соб-

---

ственность заработает эффективно, то вопрос о нелегитимности, порожаемой общественным невосприятием, будет снят.

Гораздо сложнее добиться общественного признания при нарушении правил «честной игры». Если игра велась «нечестно», то никакие аргументы, включая ссылки на эффективность, не делают ее легитимной. Типичным для постсоветских экономик признается состояние «размытой легитимности», при которой множество людей убеждено, будто в руки каких-то абстрактных собственников нечестными путями перешло множество активов. Движение людей, оборот активов и смена собственников ведут к постепенному смягчению остроты восприятия, однако угроза сложившимся структурам собственности со стороны государства сохраняется. «Размытая легитимность» ассоциируется с «родовой травмой», не являющейся тем не менее абсолютным препятствием для роста. Этот характерный для всех экономик переходного типа феномен имеет, однако, ряд негативных последствий. Любые политические силы готовы эксплуатировать тему легитимности в своих интересах. Ссылки на нелегитимность результатов приватизации позволяют государству оказывать давление на бизнес и селективно отнимать активы. Ослабляется инвестиционная активность, искажается структура инвестиций (смещение от долгосрочных к краткосрочным, от менее к более ликвидным, от внутренних к внешним). В обществе поддерживается полудепрессивный социально-психологический климат и информационная непрозрачность. Преимущества новых форм собственности остаются нереализованными, механизмы и стимулы их функционирования скрытыми.

«Выигрыши» и «проигрыши» могут быть непосредственно связаны с дефицитом государственных активов, а могут быть и косвенно, например, с изменением структуры спроса на рабочую силу. Та часть активного населения, чьи шансы на высокие доходы и привлекательные рабочие места понижаются, будет склонна отказываться от признания итогов приватизации, накапливая тем самым протестный потенциал; та, чьи шансы повышаются (более мобильные, с «рыночным» человеческим капиталом, не подверженные риску безработицы, занятые во внебюджетном секторе), — их принимать. Если реформы не сопровождаются повышением благосостояния, население теряет веру в их целесообразность и блокирует осуществление. Бытует мнение, что эта проблема снимается выплатой компенсаций, следует лишь определить, на каких условиях группы, проигравшие при распределении собственности, готовы признать это распределение приемлемым [11]. Но надо иметь в виду, что распределительные эффекты могут быть очень глубокими. При крупномасштабной реорганизации прав собственности, например, при приватизации ресурсов общего пользования, внешние эффекты очень трудно поддаются интернализации, что серьезно сказывается на общественном благосостоянии. Если не удастся в достаточной степени вознаградить влиятельные стороны для завоевания их поддержки, выгодное институциональное изменение не происходит, а потенциальный экономический успех упускается. Распределительные аспекты могут противодействовать институциональному изменению, даже если положение общества при этом ухудшается [12].

Дефицит легитимности означает, что общество не согласно принять возникшее в результате приватизации распределение капитала, и существует риск передела прав собственности. Последствия такого передела непредсказуемы, и в ходе его некоторая часть активов и произведенной продукции может быть безвозвратно утрачена, но обделенные агенты могут предпочесть подобные риски неприемлемому для них статус-кво.

Вероятность передела собственности зависит от накопленного в обществе протестного потенциала. Посягательства на собственность могут исходить либо от рейдеров, либо от государства (бюрократии свойственно стремление к периодическому пересмотру и корректировке итогов приватизации), и быть

поддержанными населением. Если бизнес рассматривает режим прав собственности как нестабильный, он предпочитает изымать капитал из экономики; в таком случае массы оказываются лишенными не только дохода на капитал, но и приемлемой заработной платы и отказывают режиму прав собственности в поддержке.

Протестный потенциал накапливается по мере увеличения разрыва между экономическим положением агентов в обретенном статус-кво и ожидаемым выигрышем в результате передела прав собственности. Это означает, что общество можно примирить со статус-кво и таким образом повысить легитимность прав собственности, если удастся улучшить экономическое положение масс. Важно, что такая возможность имеется даже в случае глубокого неравенства в распределении активов при условии, что все они будут инвестированы в экономику и позволят населению получать приемлемый трудовой доход. При подобном исходе сложившийся режим прав собственности обретает общественную поддержку, что и обеспечивает его укорененность а, значит и устойчивость.

Решения агентов порождают стратегическую взаимодополняемость — чем больше капитала инвестировано в экономику, тем безопаснее инвестиции, и этот фактор может возобладать над снижением отдачи на капитал по мере его роста. При достаточно однородном распределении активов режим прав собственности оказывается приемлемым для общества, а значит, легитимным и надежным, что создает благоприятные условия для экономически эффективного исхода.

Экономическое неравенство, напротив, является потенциальным препятствием успешного завершения реформ, и здесь тоже определяющей является стратегическая взаимодополняемость действий экономических агентов. В этих условиях главной задачей становится повышение общественного благосостояния, уменьшение разрыва между доходами граждан. Механизмом должен стать не передел собственности, не компенсационные налоги, а широкая поддержка предпринимательства на всех уровнях. Необходимо дать возможность всем экономическим агентам реализовать свои потенциальные возможности. Рост производства усилит конкуренцию и увеличит совокупный спрос.

Связь между совершенствованием институтов и экономическим ростом двусторонняя. Обеспечение быстрых темпов экономического роста является необходимым условием формирования благоприятных институциональных ожиданий, которые возникают в результате снижения относительной эффективности отклоняющегося поведения (незащищенность прав становится невыгодной никому). Увеличение численности среднего класса также способствует улучшению качества институтов.

Регуляционным мерам должны подвергаться все параметры системы. Акцентирование только на одном из них может привести к непредвиденным экономическим деформациям. Применение паллиативных мер вызывает приспособление и сопротивление «... тех затронутых регулированием сторон, которые хорошо организованы и обеспечены финансами... результатом является система, ... неадекватная ничьей концепции трезвой экономической политики, зато в каждой ее составляющей глубоко укоренены чьи-то особые интересы» [13]. Регуляционные меры могут напрямую инициироваться группами с особыми интересами, такие возможности существуют даже в демократическом обществе благодаря высоким издержкам приобретения информации и коллективного действия.

Решение задачи догоняющего развития следует искать на пути формирования институтов, обеспечивающих эффективное взаимодействие государства, бизнеса и общества. Институциональная траектория тогда считается перспективной, когда она согласована с ресурсными, технологическими и институциональными ограничениями и предусматривает встроенные механизмы, сти-

мулирующие запланированные изменения институтов и предотвращающие возникновение дисфункций и институциональных ловушек.

Для выхода на перспективную институциональную траекторию следует, опираясь на институциональные инновации, использовать стратегию промежуточных институтов до тех пор, пока не будет сформирована зрелая институциональная среда. В приложении к сфере прав собственности это означает разработку мер по сдерживанию перераспределительной активности; хотя бы частичную компенсацию потерь основным группам экономических агентов, проигравшим вследствие институциональных изменений; формирование институциональных ожиданий, стимулирующих движение вдоль перспективной траектории; сочетание изменений в регулировании прав собственности с политикой стимулирования экономического роста. Поддерживая в течение определенного времени быстрый рост за счет промежуточной системы институтов, мы сумеем улучшить качество управления, уменьшить масштабы теневого сектора и коррупции, укрепить законность, снизить административные барьеры и постепенно сделать рост самоподдерживающимся.

Список использованной литературы

1. Скиба А. Экономическое развитие как результат обновления / А. Скиба // *Экономист*, 2008. – № 10. – С. 50–56.
2. Полтерович В. Эволюционная теория экономической политики / В. Полтерович, В. Попов // *Вопросы экономики*. – 2006. – № 7. – С. 4–23.
3. Голиченко О. Возможности инновационного развития «догоняющих» стран в условиях технологической революции / О. Голиченко // *Материалы РЭК-2010* // <http://www.econorus.org/consp/files/6xdp.doc>
4. Матвеев О. Проблемы перехода к инновационному типу экономического развития / О. Матвеев // *Экономист*. – 2009. – № 8. – С. 92–96.
5. Клоцвог Ф. Тенденции и факторы экономического роста / Ф. Клоцвог, Г. Голубева // *Экономист*. – 2008. – № 10. – С. 20–31.
6. Губанов С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция / С. Губанов // *Экономист*. – 2008. – № 9. – С. 3–27.
7. Кнобель А. Вертикальная интеграция и экономический рост: эмпирическое исследование / А. Кнобель // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. – 2009. – № 3–4. – С. 54–70.
8. Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития / С. Глазьев. – М.: ВлаДар, 1993. – С. 71.
9. Libecap, Gary D. (1989). *Contracting for Property Rights*. Cambridge University Press. – P. 6–7.
10. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? / Р. Капелюшников // *Вопросы экономики*. – 2008. – № 3. – С. 85–105.
11. Аузан А. Вертикальный контракт неустойчив / А. Аузан // *Отечественные записки*. – 2004. – № 6. – С. 136.
12. Libecap. – Ibid. – P. 8.
13. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггертссон. – М.: Дело, 2001. – С. 163.

Надійшло до редакції 3.03.2010.